

ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ

**РОМЕО ДОЛЖЕН
ПОВЗРОСЛЕТЬ**

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР
ВСТРЕЧИ**

**ЖЕНЩИНА
В ЛУННОМ СВЕТЕ**

**СПАСИ МЕНЯ,
ПОЖАЛУЙСТА!**

**ДОМ БЕЗ
ПРИВИДЕНИЙ**

СТАРШАЯ ПОДРУГА

**ЧЕРНОЕ
ОБЛАКО ДУШИ**

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ
ОШИБКА**

**ГЕРОЙ
ЧУЖОГО РОМАНА**

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

СКРИПАЧКА

**СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ**

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна.

Б86 Соло для влюбленных : роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-164967-8

В жаркое августовское воскресенье молодая певица Лариса отправляется в театр на первую репетицию оперы Верди «Риголетто», где ей предназначена главная роль Джильды. Но по пути она становится единственным свидетелем ужасного ДТП — неизвестный насмерть сбил человека. Шокированная Лариса успевает запомнить несколько примет автомобиля: цвет, марку и, главное, талисман на лобовом стекле — краб малахитового цвета с красными глазами. Лицо водителя рассмотреть не удастся — в момент аварии он упал лицом на руль, а в следующую секунду тронулся с места и исчез. Лариса с опозданием приезжает в театр, где знакомится с новым солистом Глебом Ситниковым и влюбляется в него буквально с первого взгляда! Но в его поведении она замечает некоторые странности, которые наводят ее на страшные подозрения...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164967-8

© Бочарова Т., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

— Лариса Дмитриевна! Лариса Дмитриевна, вы меня слышите?

Лариса с трудом заставила себя выйти из тупого оцепенения, охватившего ее, точно плотный, густой туман.

— Да, я вас слышу.

— Пожалуйста, ознакомьтесь. Это записано с ваших слов. Читайте внимательно. Может быть, что-то зафиксировано неверно или неточно. — Высокий плечистый майор, наверняка любимец женщин, протянул листок протокола. Красивый, высокий лоб, строгий очерк скул, открытый, дружелюбный взгляд спокойных серых глаз. Мужчина смотрел на Ларису с сочувствием и пониманием.

Она на мгновение представила, как выглядит со стороны: нарядный, вызывающе открытый сарафанчик, ярко накрашенное лицо, искусно уложенные волосы — и контрастом ко всему этому пробивающиеся сквозь макияж мертвенная бледность, растерянный вид. Действительно, зрелище, внушающее жалость.

Лариса взяла у оперативника бумагу. Строчки прыгали перед глазами, ей пришлось изучать написанное несколько минут.

— Да, все так и есть. — Она вернула протокол красавцу майору. — Все правильно. Только цвет. Он не серый, как здесь написано, а серебристый.

— Исправим, — серьезно сказал плечистый. — Большое вам спасибо, Лариса Дмитриевна. Мы, конечно, будем искать этого подонка и, надо полагать, найдем. Но вы, как свидетель по делу, должны будете посещать прокуратуру.

— Часто? — испугалась Лариса.

— Точно сказать не могу, — мягко отозвался майор. — Раза два, три, может, и больше. Так что будьте добры оставить контактный телефон, по которому с вами можно будет связаться. — Он достал из нагрудного кармана авторучку и вложил в ее пальцы. — Вот тут, — лист протокола снова оказался перед Ларисиным лицом.

Дрожащей рукой она нацарапала домашний номер, подумала секунду и приписала рядом мобильный.

— Это на случай, если меня не окажется дома. Я часто допоздна задерживаюсь на работе.

Во взгляде майора появилось любопытство. Видимо, его заинтересовало, что за работа такая у этой красивой, хорошо одетой и ухоженной барышни. Однако он ничего не сказал, еще раз просмотрел протокол и удовлетворенно кивнул:

— Это все.

— Я могу идти? — поинтересовалась Лариса.

— Да, конечно. Еще раз примите нашу благодарность.

Он козырнул и, повернувшись, пошел к группе оперативников, стоящей у милицейского «мерса».

Лариса чуть помедлила, а потом на ватных ногах поплелась на другую сторону улицы, где у обочины си-

ротливо притулилась ее старенькая «Ауди». Пискнула сигнализация. Лариса распахнула дверцу и устало опустилась на сиденье. За сорок минут разговора с милиционерами воздух в наглухо закрытом салоне нагрелся до немыслимой температуры. Голую спину обожгло, но она даже не поморщилась. Равнодушно взглянув на себя в зеркальце, машинально поправила выбившуюся из прически прядь. Потом долго, неловко расстегивала маленькую кокетливую сумочку, шарила в ней в поисках сигарет.

Закурив, она опустила боковое стекло до предела, уселась поудобнее и положила обе руки на руль, стараясь унять в них противную мелкую дрожь. Когда наконец это удалось, Лариса выкинула окурочек в окно, вздохнула и плавно выжала сцепление. Машина мягко тронулась и понеслась по почти пустой улице. Было пятое августа, воскресенье, девять часов утра...

Глава 2

Накануне, в субботу, четвертого августа, жара в Москве и ее пригородах достигла своего апогея. Противореча всем нормам и законам природы, столбик термометра поднялся на отметку тридцать пять градусов, и это лишь в тени. А на солнце красная ниточка уходила далеко за сорок. На улицах плавился асфальт, как в Ялте. Измученные зноем москвичи, не сумевшие выбраться на уик-энд за город, в благословенную прохладу фруктовых садов, на чем свет стоит кляли капризный столичный климат. Одно дело, когда плюс тридцать градусов в июле, самом жарком месяце лета! Но август!

Лариса, то и дело останавливаясь в пробке, с легкой паникой поглядывала из окна «Ауди» на бесчисленную вереницу перегревшихся машин, стоявших с открытыми капотами вдоль обочины кольцевой дороги. Рядом нетерпеливо топтались взмокшие от зноя водители, дожидаясь, пока их транспортные средства остынут.

От опасения пополнить ряды этих страдальцев, а также после ссоры с родителями на даче у Ларисы тупо ныл левый висок. Хуже нет, когда тебя в двадцать шесть лет от роду начинают воспитывать, да еще так, как это делает отец. Именно отец, а не мама. Та только молча смотрит грустными глазами. А вот папа — дело другое. Ему, всю жизнь проработавшему на одном месте, в оборонном «почтовом ящике», поступок дочки кажется чем-то из ряда вон выходящим.

Шутка ли: от мужа отказалась. И от какого мужа! Богатого, красивого, непьющего, влюбленного в нее без памяти. Отец с самого начала был полностью солидарен с Павлом в его требовании, чтобы она ушла из «Оперы-Модерн». Дескать, такая работа жены позорит порядочного мужика. Стыд один, почти голяком по сцене бегать, всякую пакость изображать с чужими мужчинами. Ты певица, ну и пой себе арии да романсы. А развратничать нечего.

Что поделаться, в глазах отца и Павла Ларисина работа у Мишки Лепехова, главного режиссера модного музыкального театра «Опера-Модерн», выглядела сплошным развратом.

Даже теперь, спустя полтора года после развода, отец все никак не мог простить Ларисе, что та предпочла работу благополучной семье и налаженному быту.

Он страстно мечтал о внуках, а Лариса и Павел так и не успели обзавестись ребенком. Более того, в ближайшем будущем упрямая дочь, похоже, не собиралась устраивать личную жизнь. Проще говоря, Лариса упорно не желала ни выходить замуж, ни даже знакомиться с кандидатами на роль супруга, которых неустанно подыскивали родители.

Собственно, из-за одного из них и разгорелась последняя ссора. Антон, живший на даче по соседству, был врачом и неплохо зарабатывал в хозрасчетном отделении одной из московских больниц. На Ларису он давно бросал томные и страстные взгляды, вызывавшие у нее почему-то лишь неудержимые приступы смеха. Родителям же, и особенно Дмитрию Леонидовичу, Антон очень нравился: надежный, непьющий и внешне весьма представительный. Что еще нужно бабе для счастья?

Как раз в эту субботу у Антона случился день рождения. С утра он сгонял в стационарный магазинчик, затарился выпивкой, закуской и стал громко жаловаться, что всему этому добру суждено пропасть, ведь из города в такую жару к нему на дачу никто не доедет.

Антонина Петровна тут же включилась в спектакль и предложила горемыке-новорожденному отпраздновать знаменательное событие у них. Мол, рядом две женщины, неужели они стол одинокому человеку не накроют?

Антон долго уговаривать не пришлось — он мигом явился на соседский участок с бутылками и разной снедью. Навстречу ему спешил довольный Дмитрий Леонидович, уже предвкушающий приятный вечер за рюмочкой на тенистой террасе.

И надо же было Ларисе нарушить эту идиллию! Она вовсе не собиралась оставаться на даче в субботний вечер и хлопотать за праздничным столом в качестве радушной хозяйки. У нее были совершенно другие планы.

Лепехов, гениальный, сногшибательный Мишка, выдумщик, фантазер и фанатик новаторства в оперном жанре, в начале августа задумал постановку «Риголетто» Верди и предложил Ларисе главную роль. В опере оказалось достаточно любовных сцен, а так как Мишка проявлял остроумие и оригинальность именно в них, спектакль обещал быть аншлаговым. Труппа буквально загорелась новой идеей главрежа и согласна была начать репетировать, несмотря на жару. Премьеру наметили на самое начало сентября, времени оставалось в обрез, и первое знакомство с материалом назначили на воскресенье. Поэтому, приехав на дачу к родителям в субботу утром, Лариса намеревалась в тот же день вечером вернуться в Москву. Мишка любил проводить репетиции рано утром, пока чувствовал себя особенно свежим и полным сил.

Обо всем этом, конечно, не вдаваясь в подробности, и поведала Лариса возмущенным родителям. Реакция их была ужасна. Мама часто заморгала, будто собираясь расплакаться, и ушла в дом. Отец долго и нудно читал Ларисе мораль. Та собирала сумку с нужными вещами и молчала. Жалость к отцу боролась в ней с раздражением, и наконец победило второе — Лариса сорвалась и наругала. Хлопнув дверцей машины и даже не поцеловав на прощание мать, она уехала.

Ей повезло. «Ауди» хоть и была семилетней, но жару переносила стойко. Лариса остановилась у подъ-

езда и вылезла на раскаленный, несмотря на вечер, воздух, чувствуя себя донельзя усталой и разбитой.

На лавочке возле дома сидели две старушки. Одна из них, Галина Степановна, тучная, с отеками, распухшими ногами-тумбами, была ее соседкой по лестничной площадке. Она сладко улыбнулась беззубым ртом, однако маленькие, глубоко посаженные глазки цепко рассматривали Ларису с головы до ног.

— Красавица наша приехала! — елеино пропела старуха, кивая проходящей мимо девушке. — Чего ж в такое пекло в город? Завтра же выходной. Отдыхала бы в холодке, а то здесь не продохнуть.

— Работа, Галина Степановна, работа, — улыбнулась Лариса в ответ, — расслабляться некогда.

— Ну, с богом, раз работа, — согласилась бабка, вздыхая.

Обольщаться насчет соседкиной доброжелательности не приходилось. Лариса отлично знала: как только она скроется в лифте, обе старушечки тотчас самозабвенно начнут перебивать ей кости, называя уже не красавицей, а хорошо еще если только сукой и потаскухой.

Ларису это нисколько не волновало. За пять лет работы в театре она выслушала много гадостей — не только от мужа и родителей, но и от лучшей школьной подруги и годами проверенной институтской компании. Дружба с Полинкой постепенно сошла на нет, однокурсники-вокалисты один за другим перестали звонить. Павел был последним в этой цепочке. После его ухода Лариса окончательно смирилась с тем, что ее пристрастие к «Опере-Модерн» вряд ли будет оценено по достоинству кем-то, не имеющим отношения к

театру. Поэтому последние полтора года она общалась лишь с членами лепеховской труппы — теми людьми, у кого находила понимание.

Пустая квартира встретила Ларису духотой, хотя все форточки были открыты настежь. Она скинула в коридоре увесистую спортивную сумку, сняла удобные босоножки на низкой платформе, которые надевала, когда приходилось вести машину, и босиком прошла на кухню. В холодильнике стояла запотевшая бутылка минералки. Она налила полный стакан, подумав, набросала туда кубиков льда из морозилки и с наслаждением сделала пару глотков. Но, спохватившись, что от холодного заболит горло, вытащила из кухонного шкафчика длинную соломинку и, продолжая через нее потягивать освежающий напиток, отправилась в ванную.

Дикая жара и дорога вытянули из Ларисы все силы. Она сняла промокшую от пота одежду и встала под прохладный душ, с удовольствием ощущая, как упругие струи прогоняют из тела усталость. Так она стояла до тех пор, пока к ней не вернулась всегдашняя бодрость и окончательно не утихла боль в виске. Тогда Лариса сделала воду погорячей, взяла с полки шампунь и принялась намыливать длинные пепельно-русые волосы.

Из душа она вышла раскрасневшаяся, полностью расслабившаяся и абсолютно спокойная. Черт с ней, со ссорой на даче! Она не будет об этом думать. Ни об этом, ни о злобных старушенциях у подъезда, ни о переставшей звонить Полинке и тоскливой тишине в пустой квартире по вечерам. Она сделала свой выбор и ни о чем не жалеет.

Лариса принесла с кухни большое красное яблоко и, уютно устроившись с ногами в кресле, с аппетитом

принялась есть. Рядом на столике затренькал телефон. Лариса сняла трубку:

— Я слушаю!

— Ларка! Ну наконец-то ты приехала! А то я весь вечер трезвоню, и все без толку, — как всегда, громкий и веселый голос Милы грянул Ларисе в ухо. — Как доехала? Машина не встала? Страшная жара! Я просто таю, как шоколадка, — Мила продолжала тараторить без остановки, не дожидаясь ответных реплик.

Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Мила Калитина, меццо-сопрано и ныне единственная Ларисина подруга, отличалась излишней многословностью, а попросту говоря, болтливостью. Качество это, однако, ничуть ее не портило, а скорее, наоборот, очень шло. В свои тридцать два Мила имела внешность подростка — мальчишеская, узкобедрая фигура, короткие пегие вихры, озорно вздернутый нос. И ровно сто слов в минуту. Лариса улыбнулась трубке:

— Да, жара кошмарная. Я доехала, как в страшном сне. Ты-то как?

— Я-то? Как всегда, в полном порядке. Что мне сделается? Готовишься?

Мила имела в виду завтрашнюю репетицию. Конечно, надо бы подготовиться, попеть партию или хотя бы проиграть ее на фортепьяно. Но пока что у Ларисы не хватало на это сил. Может быть, потом, попозже, вечером...

— Готовлюсь, — не моргнув глазом соврала Лариса и откусила от румяного яблочного бока.

— Молодец, — завистливо вздохнула Мила, — а я что-то никак себя собрать не могу. Опять с Сережкой

разругались. Так наорала на него — аж охрипла. Как завтра петь буду?

Сережка был Миленным сыном, рожденным ею в очень юном возрасте, всего семнадцати лет от роду. Она с ним ссорилась и мирилась по десять раз на дню. За нарочито радостным голосом подруги Лариса отчетливо расслышала уныние и грусть.

— Споешь, не волнуйся, — утешила она. — Скажи лучше: не в курсе, кого Мишка на Герцога взял? Я его об этом еще в пятницу спрашивала, но тогда он еще ничего определенного сказать не мог. Звонила ему?

— Конечно, — сразу оживилась Мила.

— И что?

— А ты сидишь или стоишь?

— Сижу, — Лариса опешила от такого странного вопроса.

— На чем сидишь? — не унималась Мила. — На диване?

— В кресле. Хватит издеваться!

— Ну, тогда держись за подлокотники, да покрепче. Знаешь, кто будет твоим партнером, дорогая моя Джильда? — Мила выдержала театральную паузу и торжественно проговорила: — Ситников!

— Кто это? — Фамилия Ларисе показалась знакомой.

— Да ты что, девушка! Не знаешь, кто такой Глеб Ситников? Гран-при конкурса «Золотая лира». Его в июле каждый день по каналу «Культура» показывали. Красавчик с ангельским голосом! Мишка, оказывается, уже давно его пригласил, но держал все в тайне. Спонсоры театра квартиру ему сняли на весь репетиционный период. Вот так!

Лариса озадаченно покачала головой. Глеб Ситников... Ах, ну да. Всероссийский конкурс «Золотая лира» проходил в июле в то время, когда Лариса со своим очередным кавалером ездила в Туапсе. Это был один из тех быстротечных и ни к чему не обязывающих романов, которые один за другим возникали у нее в течение последних полутора лет. По возвращении в Москву роман так же легко угас, как и начался, но конкурс, о котором шумели в певческих кругах, она полностью пропустила. Ситникова Лариса видела лишь раз по телевизору, когда он давал интервью журналистам. В памяти осталось нечто смутное, никаких особых чувств не вызывающее. И вот теперь...

— Значит, Ситников, — задумчиво проговорила в трубку Лариса. — Что ж, я рада.

— Еще бы не рада! — ехидно произнесла Мила. — Смотри не упади к его ногам в первый же день!

— Еще чего! — заносчиво возразила Лариса. — Пусть он падает к моим ногам. И вообще, провинциальный тенор — это не в моем вкусе.

— Ну-ну, — насмешливо поддакнула Мила. — Ладно, подруга. Пойду я, мне ужин пора готовить, парня кормить. Сын как-никак, хоть и стервец порядочный. Бывай, до завтра.

Лариса положила трубку и в рассеянности подбрехала на ладони недоеденное яблоко. С ума сойти — ей предстоит петь с победителем всероссийского конкурса! И ведь у Ситникова все еще впереди — наверняка будут и победы на международных конкурсах, он же, кажется, совсем молодой, тридцати нет. Для вокалиста это детский возраст. Герцог в «Опере-Модерн» — только начало в бесконечной череде блестящих теноровых партий.